

Парвиз прожил в России уже четыре года и должен бы хорошо уметь разговаривать на русском языке. Но при встрече с IWPR до отлета из Таджикистана в город на Волге Саратов, он быстро перешел на родной, таджикский.

20-летний Парвиз объясняет, что он многое понимает по-русски, но редко разговаривает на нем, так как большую часть времени проводит с другими эмигрантами из Таджикистана, живущими в Саратове.

Родом из отдаленного кишлака Раштского района, на востоке Таджикистана, Парвиз поехал в Россию, когда ему было 16 лет, и работал вместе со своим дядей, сначала в кафе, а затем они открыли собственную пекарню.

Он – представитель нового поколения мигрантов, выросших в постсоветском Таджикистане, где русский язык был постепенно исключен из школьной программы и общественной жизни. Меняющаяся система стала настоящим препятствием на пути многих тысяч молодых таджиков, выезжающих работать за границу, в основном, в Россию и Казахстан – при этом в обеих странах русский остается общепринятым языком для сообществ иммигрантов.

Толибжон Шарипов, начальник главного управления трудовой миграции Миграционной службы, говорит, что языковой барьер отличает молодое поколение от тех, кто получил образование в Советском Союзе.

"Они не могут там интегрироваться. Они не имеют возможность читать газеты, смотреть телевизор", - говорит он, добавив, что они общаются внутри собственного сообщества мигрантов.

23-летний Рахмоншо живет в Челябинске с 15 лет и описывает, как ему было тяжело в начале.

"Помню время, когда я ничего не понимал и не мог общаться с местными. Я как-будто жил на необитаемом острове. Я общался только со своими родственникам", - говорит он, добавив, что теперь свободно говорит по-русски.

Плохое знание русского языка – это один из ряда факторов, ограничивающих возможности трудоустроиться и усложняющих адаптацию в России.

Российские чиновники говорят о 1,1 миллионе таджикских трудовых мигрантов. Некоторые возвращаются в Таджикистан каждый год после окончания теплого сезона и снижения спроса на физический труд, а некоторые остаются и могут обосноваться там на постоянной основе.

Рахманшо отмечает, что не рассматривает окончательное возвращение в Таджикистан. "Конечно, я бы хотел жить в своей стране, но там нет работы и в нашем кишлаке ужасная жизнь: зимой нет электричества", - говорит он.

Социолог Фируз Саидов говорит, что первые волны миграции состояли из людей, сбежавших от гражданской войны в первой половине 90-х годов и от наступивших безысходных экономических условий.

"Те люди хорошо знали русский, что позволяло им получить хорошую работу, общаться, адаптироваться и интегрироваться", - говорит Нурзида Бенсгир, возглавляющая Межэтнический информационный центр Свердловской области России.

По словам Бенсгир, средний возраст таджикского сезонного рабочего составляет 25 лет, это на десять лет меньше, чем те, кто приехал в 1990-е годы. Три четверти из них приезжают из сельской местности, где число русских всегда было ограничено, даже в советские времена. Их детство совпало с гражданской войной 1992-97 годов, которая нарушила доступ к образованию. Многие рано бросили школу и стали зарабатывать на кусок хлеба для своих семей.

"Нынешних мигрантов от всех остальных отличает полное незнание русского языка, что вынуждает их обращаться к посредникам и вручать им не только документы, но и свою судьбу", - говорит она.

По словам Бахтиёра Саттори, политолога и бывшего представителя миграционной службы Таджикистана в Москве, в целом, именно молодые мигранты особенно не подготовлены к проживанию и работе за границей.

"Сегодняшний мигрант – неопытный, наивный молодой человек, погруженный в беспокойный круговорот городской жизни со всеми ее соблазнами, опасностями, обманом и суровыми реалиями, без сочувствия или помощи от других", - говорит Саттори.

Эту точку зрения разделяет и Анатолий Фоменко, заместитель руководителя ФМС РФ, рассказавший новостному агентству "РИА Новости" о том, что незнание трудовыми мигрантами российского законодательства и социальных норм приводит к "нарушениям прав самих мигрантов, к криминализации миграционной сферы, образованию теневого рынка труда, проявлению чувств ксенофобии и даже межнациональным конфликтам".

Как объяснил Шарипов, молодые и неопытные подвержены обману еще до того, как покинут страну.

В результате ужесточения процедур и требований со стороны Душанбе и Москвы по отношению к "нелегалам", прибывающие мигранты должны зарегистрироваться в российских органах и получить разрешение на работу. Но, по словам Шарипова, "Это все наши мигранты не знают. Они знают со слов какого-то родственника или посредника. Верят посредникам, а те им делают фальшивые документы, из-за которых их депортируют потом".

Обучение и использование русского языка постепенно снижается в Таджикистане с 1990-х годов. Многие этнические русские уехали из страны, а меры такие, как Закон о языке 2009 года, снизили диапазон использования русского языка в разных сферах общественной жизни.

"Учителей русского практически нет. Преподаватели заменяются учителям других предметов, которые иногда и сами плохо знают русский язык", - говорит Шарипов.

В декабре прошлого года в Москве, впервые прошел языковой тест для иммигрантов, работающих в торговом или обслуживающем секторе. От теста освобождаются те, кто получил образование в советские времена.

Представитель миграционной службы Фоменко заявил, что с апреля 2013 года было выдано только 7000 сертификатов о прохождении теста, т.е. ничтожное количество, исходя из того, что в России около пяти миллионов мигрантов, в основном, из Центральной Азии и южного Кавказа.

В недавнем интервью новостному агентству "Интерфакс" Татьяна Бажан, начальник управления содействия интеграции, выразила сожаление об отсутствии подготовки в странах происхождения мигрантов. По ее словам, они должны иметь возможность посещать языковые классы и курсы для совершенствования своих навыков до отъезда в Россию.

Шарипов признал проблему, сказав, что Таджикистану давно пора открыть центры, которые будут обеспечивать подготовку, о которой говорит Бажан.

По его словам, министерство образования Таджикистана пыталось решать проблему с низким качеством обучения русскому языку, но отметил, что как учреждение, оно не обращало внимания на конкретные профессиональные нужды будущих трудовых мигрантов.

"Мы должны признаться, что наши ребята не готовы к трудовой миграции", - говорит он, добавив, что упомянутые молодые таджики, скорее всего, станут чернорабочими с низкой зарплатой, но с повышенным риском получения производственных травм.